

Сражался за Восстание... как пилот, не так ли? Новая надежда Восстания, отважный пилот, уничтоживший первую Звезду Смерти одним выстрелом. Все те слухи, что он джедай; что именно так он смог сделать невозможный выстрел. Как его звали ... Начинается с 'S' Он умер на Хоте, может быть, три года спустя;

Каррде вспомнил, что до него доходили слухи, а затем - отчеты. Вспомнил, как покачал головой, думая, что первые джедаи, появившиеся за более чем десятилетие, на самом деле выбрали сражаться за Восстание, и они были достаточно глупы, чтобы позволить ему отправиться на передовые миссии; приобрел и потерял его в течение трех лет. Как его звали, пилот, который ... Каррде остановился в коридоре. Скайуокер - Люк Скайуокер! Клетка для джедая ...

Вместо джедаев читайте ситхов ... вместо ситов читайте джедаев ... Люк Скайуокер, хваленый новый джедай Восстания ... как скоро после того, как они объявили его мертвым, появился таинственный волк-ситх Императора? Год - меньше? Не поэтому ли Палпатин захотел посадить своего Волка в клетку? И зрелище в Фондоре - сам новый Император появляется в середине битвы на поле, нанося сокрушительный удар ... затем освобождая повстанцев. Каррде машинально прошел вперед еще несколько шагов....

На ум внезапно пришло лицо Леи Органы в том виде, в котором она говорила сегодня, - серьезное, решительное и искренне обеспокоенное. Лидер Восстания против Императора - Он замедлил... Восстание. Альянс повстанцев.

Он внезапно вспомнил, как Император говорил с ним о Топраве ... о провале повстанцев там. Вспомнил, как смотрел, очарованный, осознавая, что это было самым неудобным, когда он когда-либо видел сдержанного Императора, поскольку он признался в том, что скрыл ошибку повстанцев, которая стоила жизни мирным гражданам ... только он не сказал, что повстанцы, он наткнулся на другое слово: Альянс .

Не восстание - Альянс. Так себя называли только повстанцы; никто другой, только они. Каррде снова замедлился, нахмурившись, не видя, мысленно пробегая сквозь факты, когда эти последние фрагменты сошлись вместе, заставляя его голову гудеть от последствий ... Что, если эти случайные слухи о том, что в Восстании все еще есть пилоты, которые клялись, что знали, что Император правда, не потому, что он был там шпионом, работал на Палпатина, а потому что ...

Люк Скайуокер, пилот повстанцев. Герой, который, как известно всем, кто занимался продажей информации, погиб на Хоте. Это было заявление, сделанное самим Восстанием; он умер героем на Хоте. Но что, если он не умер ... что, если Император, который признался Каррде, что камера Палпатина была построена, чтобы удерживать его, был Люк Скайуокер, человек, который сбил первую Звезду Смерти.

Потому что, если вы связали эти два события, то почти все, что когда-либо делал новый Император, имело искаженный смысл. Стоя в одиночестве в коридоре, осознавая, что он пришел к опасному выводу, который вполне может привести к его смерти, мысли Каррде медленно, одна за другой, приходили к одному животрепещущему вопросу: правда ли это - все это - тогда кем он был теперь? В той камере находился джедай... или ситх?

До Вендаксы оставалось еще два часа - время, которое Каррде потратил на вытаскивание дат из старых отчетов и поиск всего, что он мог найти о прошлом мертвого джедая ... что было невероятно, невероятно мало. Казалось, Империя не только отняла у последнего джедая его будущее, но и забрала его прошлое. Было ли это правдой, или Каррде связывал совпадения?

Это было легко сделать, когда у вас скопились груды данных; много фактов, но мало правды.

Не было абсолютно никакой достоверной информации, подтверждающей эту теорию, и, вероятно, только одного человека, который знал всю правду. К сожалению, Крикс Мадин старался изо всех сил, чтобы новый Император унес его в могилу. Выровняв свои приоритеты, Каррде остановился перед квартирой Гента и нажал кнопку открывания двери.

В тот момент, когда она открылась, молодой синеволосый слайсер дернулся прямо с четырех экранов, на которые он сейчас смотрел, и все они одновременно переключились на запуски кода.

"Что... я ничего не делал!"

Каррде прищурился, но не заметил.

«У меня для вас есть работа - срочная, так что отключите каналы».

Гент виновато посмотрел вниз, но Каррде неустрашимо продолжил.

«Мы вернулись к ретрансляционной станции Вендакса, которую вы врезали несколько месяцев назад - вы сказали, что оставили черный ход, верно?»

"Эй, я не любитель!"

Гент, казалось, обиделся, что Каррде даже потрудился проверить такую вещь. «Хорошо. Мне нужно, чтобы ты вернулся. Тебе нужно просмотреть журналы ретрансляции, возможно, за несколько недель до того, как ты впервые разрезал их до сегодняшнего дня, и поискать что-нибудь на том же голосе или частоте, которые ты взламывал раньше. Мне нужно чтобы узнать, использовался ли он в последнее время, что было сказано, откуда он поступал, куда он был отправлен и использовал ли кто-либо, использующий эту частоту, другой канал

". Гент нахмурился. "Хочешь знать, что они ели на завтрак в тот день?"

"Хотели бы вы остаться на оплачиваемой работе?"

Резак поджал губы и откинулся на спинку стула, чтобы взглянуть из небольшого смотрового окна на высокую цилиндрическую часть ретрансляционной станции Вендакса, медленно вращающейся вокруг собственной оси в нескольких сотнях километров от Дикого Каррде . Он снова взглянул на списки кода, работающие на четырех экранах перед ним.

«Насколько это важно, потому что я вроде как в центре чего-то здесь?»

Каррде попытался опереться на край стола, но сначала пришлось отодвинуть скопившийся на нем мусор. Вся комната представляла собой постоянные чаевые, дорогие современные устройства, почти потерянные среди оберток от сладостей, бумажных журналов и брошенных пластиковых тарелок.

Даже стены были забиты винтажными простынями, наклеенными на каждую доступную поверхность под любым мыслимым углом. Гент предостерегающе протянул руку, когда Каррде отодвинул беспорядок.

"Осторожнее с этим, это было дорого!"

«Я знаю, я купил это», - невозмутимо сказал Каррде, глядя на старую кружку, балансирующую

на высокотехнологичном корпусе рассеивателя из алюминиевого сплава, на лицевой панели тикали огни.

«... Эта кружка действительно растет ?»

"Все хорошо."

Гент немного подвинул старую чашку, поставив ее на другую поверхность. Каррде скривился, пытаясь взглянуть на стены и сосредоточиться на причине, по которой он здесь.

«Насколько это важно? Я мог бы сказать вам, что это имело галактическое значение, но я приведу его к условиям, которые вы понимаете, не так ли? Это для человека, который дает мне все кредиты, чтобы покупать эту постоянную цепочку новых и очень дорогие технические игрушки, чтобы вы могли балансировать на них старые подносы с едой. Это для человека, который платит мне зарплату, а значит, и вашу. Это для человека, который по неизвестной причине держит вас в ... манере, которая вам нравится, это для личного друга ".

Гент наконец взглянул сквозь свисающую синюю челку.

«Я не думал, что у тебя есть».

"Почему, потому что ты не один из них?"

Срезчик выглядел искренне удивленным.

"Не так ли?"

«Нет, если ты ошибаешься, нет».

«Это парень, для которого я пишу все шифры?»

"Да, именно так."

Гент ухмыльнулся, сдувая челку с лица.

«Круто - мне нравится этот парень».

Каррде моргнул.

«Просто... как ты думаешь, кто именно этот парень ?»

«Я не знаю, наверное, военный», - пожал плечами Гент.

«Мне всегда казалось, что я передавал ему свои вещи возле военных баз. Я не идиот, знаете ли. Я работаю над этим».

Последнее он сказал с искренним оскорблением, заставив Каррде подавить улыбку. «Я уверен, что да. Твое понимание политики и большой галактики... разрушительно». Гент ухмыльнулся. «Будьте любезны, если бы он был Интеллектом или кем-то еще - ну, знаете, может быть, шпионом - чем-нибудь классным».

«Да, будет», - категорично заявил Каррде, и Гент усмехнулся, вращая свой стул по полному кругу, явно довольный собой. Он повернулся, вызывая новые экраны.

"Вы хотите все, не так ли?"

«Даже фрагменты - плюс все, что содержит любой голосовой отпечаток с этой частоты, который вы можете извлечь из других сообщений или частот. Я хочу знать, откуда пришло и куда было отправлено каждое отдельное сообщение».

«Было бы лучше, если бы у меня был чистый голосовой отпечаток для выборки для поиска. Тот, который не был закодирован или сжат».

«Уже в пути», - сказал Каррде.

«Я пришлю его вам».

«Отлично. Я могу легко настроить подпрограмму для поиска отпечатка голоса, но отслеживание исходящих расходов займет больше времени».

«Они, вероятно, тоже будут закодированы».

Гент уверенно пожал плечами - но, как знал Каррде, на то была причина; иначе он бы его не нанял.

«У меня есть несколько программ, я могу распутать их и почистить».

"Сколько еще нужно отслеживать их конечную точку?"

«Зависит от того, сколько сообщений они отправили и как далеко эта конечная точка, и сколько реле они использовали».

«Позвольте мне уточнить», - многозначительно протянул Каррде.

«У тебя есть один день».

«Видите, я думал, может быть, три или четыре».

«Через четыре дня мой друг умрет - что, я уверен, даже вы согласитесь, делает отслеживание сообщений довольно академичным».

Гент быстро взглянул вверх.

"Четыре дня?"

Каррде задержал взгляд, зная, что, несмотря на то, что он не узнал избитого человека, Гент просто соединил бы вирус, который был по всему голонету, и последние слова Каррде.

«Четыре дня. Сделайте это вовремя, и вы напишете домой своим родителям и скажете: «Дорогие мама и папа, подумали, что вам может быть интересно узнать, что ваш сын, досадный бросивший школу, только что спас галактику».

Гент задержал взгляд Каррде на долгие секунды... затем отвернулся, ухмыляясь.

«Ах, они бы мне никогда не поверили».

«Я знаю», - сказал Каррде, вставая, чтобы уйти.

«Вот почему я позволю тебе это сделать. Если ты действительно можешь...»

Каррде сделал паузу, его взгляд поймал один из выцветших листов на стене Гента.

"Могу я получить это?"

К тому времени, как Гент заговорил, он уже вырвал ее, и дверь за ним закрылась.

"Эй, эй!"

..... Люк очнулся на койке лицом вниз, в камере было темно. По какой-то причине это его позабавило; что они побеспокоятся переместить его обратно на койку, а не оставить на полу, где он упал.

Затем началась ослепляющая волна паники, когда он откинулся на спинку кресла, не обращая внимания на вызванный им приступ боли, его руки тянулись под одеялом, на котором он лежал ... сломанный голосовой кордер все еще был там; они не сдвинули покрывающее их одеяло.

Он упал на койку, перевернулся на спину, облегчение быстро сменилось свежими порезами и синяками, голова кружилась от внезапного движения. Вверх; садьте и идите - не становитесь слишком жесткими, чтобы бежать.

Он сел поэтапно, ожидая, пока комната станет ровной между каждым движением, прежде чем наконец заставил себя встать, слабый и дрожащий. Ему вспомнились слова отца, слова, которые он так часто повторял в камере, столь похожей на эту.

«Бывают времена, когда существовать, просто чтобы выжить, - величайшая победа из всех».

Он так долго жил по этому принципу, несмотря на резкие требования Палпатина... это все, что у него осталось. Но этого никогда не было достаточно - ни разу. Он хотел большего. Он хотел свободы воли не только для себя - для всей галактики. А теперь он разваливался; все, что он планировал и к чему стремился, все, к чему он всех и всех стремился годами.

Вся его работа, все его надежды... они были разрушены действиями одного человека, и это был сам Люк, который не видел этого. Он намеренно так долго подстрекал Мадина, позволял ему жить и гноиться, зная, что он будет продолжать атаковать Империю. Он был солдатом, а не политиком или мечтателем. И в компании мечтателей это сделало его легкой добычей для Люка, предсказуемой; полезный инструмент, чтобы разделить Альянс на две части, чтобы он взял только то, что стоит спасти.

Но он ошибся. Мадин получил преимущество, и теперь Люк готов потерять все... больше, чем он когда-либо думал. Его глаза опустились, когда он устало откинулся назад, чтобы сесть на край койки, думая о Маре; к окончательной потере - и это было больше, чем он когда-либо ожидал. Из-за Мадина Люк никогда не увидит своего сына. Мальчик вырастет, не имея отца, как Люк.

Расти, всегда чувствуя, что не хватает какой-то важной части его жизни ... Из-за Мадина сын Люка вырастет в галактике, раздираемой конфликтами и войнами. На мгновение он погрузился в это сожаление ... «Бывают времена, когда существовать, просто чтобы выжить, является величайшей победой». Он точно помнил слова; тембр голоса отца, как он их сказал, невысказанная поддержка, вера в силу Люка, в его способность терпеть.

В абсолютной мертвой тишине холода, пустой камеры, онемевшего от истощения и наркотиков

и благодарного ледяному холоду, уменьшившему боль от порезов, царапин и глубоких синяков, Люк серьезно задумался ...

Возможно, эта окончательная победа была куплена совсем другой ценой. Потому что впервые он начал задаваться вопросом ... может ли его смерть от рук Мадина купить больше, чем его выживание? Мадин ошибался; Лея не позволила бы этому обостриться - она бы не стала.

И Мара, как Императрица, тоже - и смерть Люка сделает этот титул официальным. Его смерть все еще могла поляризовать Альянс, собирая тех, кто хотел поговорить, за стол и превращая тех, для кого переговоры никогда не были вариантом для изгнанного меньшинства.

На него можно было купить все, что он в конечном итоге хотел - его просто не было бы поблизости, чтобы увидеть это. Это не означало, что он не верил в двух женщин, которых поставил на руководящие должности. И правда заключалась в том, что если это продолжится, Люк знал, что в конце концов все расскажет Мадин.

Не только коды, но и Мара. Он знал, что сегодня снова поскользнулся, и ему даже не давали наркотики. Его разум был достаточно оцепенел от истощения и разочарования и последних волочащихся усиков предыдущего сеанса, выходящих наружу, что он все равно поскользнулся.

Его смерть исключила любой риск: коды, его сын, все. Разве он не этого хотел? Он был ближе, чем когда-либо, к осознанию этого, просто это было связано с ценой... не так ли? Разве он не должен быть готов отдать что-нибудь для достижения своей цели - разве он всегда не заявлял об этом и не верил, что имел в виду именно это? Он все равно умрет, через несколько дней ... он мог бы хоть что-нибудь извлечь из этого - работать для своих собственных целей, а не для Мадина.

Дверь распахнулась с последним вздохом вакуума из коридора, и Люк взглянул вверх, бодрствуя. Молодой солдат Тэм нерешительно вошел с миской в руке. Он взглянул один раз, а затем быстро отвернулся, казалось, сдерживаясь, чтобы снова взглянуть на Люка, когда тот шел по краю линии, нарисованной на полу. «Еда».

Люк отвернулся, мысли обращались внутрь.

"Я не голоден."

«Тебе следует... наверное, поесть».

Люк оглянулся и увидел, что молодой человек быстро отвел взгляд. Он на мгновение задумался, как он должен выглядеть сейчас, после...

«Как долго я здесь?»

Тэм снова отвернулся.

«Я не должен...»

"Как долго до моей казни?"

Молодой человек вздрогнул, глубоко встревоженный, его отрицание было автоматическим.

"Я не знаю, что вы ..."

«Тэм, я уже знаю, что они это сделают».

Он не мог сдержать усталость в собственном голосе; даже не удосужился попытаться.

«Мадин говорил мне много-много раз».

Молодой солдат поднял глаза, и Люк покачал головой.

«Все в порядке, просто скажи мне. Сколько дней, Тэм?»

«Четыре дня», - тихо сказал Тэм, подтверждая счет Люка.

"Мне жаль..."

Четыре дня... он не продержится еще четыре дня, он это знал. Он бы не стал. Принято решение.

«Мне нужно поговорить с Мадин».

Когда вошли двое солдат, Люк уже стоял и ждал, настолько близко к стулу, насколько позволяла ему цепочка на его лающей и окровавленной лодыжке. Они все равно перетянули его, заставили сесть, затем связали его запястья и привязали к столу. Он ждал, глядя на свои руки, сдерживая нервы. Мадин вошел со своим обычным бахвальством, громко волоча стул за собой, и Люк немедленно поднял глаза, быстро заговорил, желая запереться на этом пути, прежде чем он отступит.

«Установи свою голо-ссылку. Признаюсь... Я прочту все, что ты хочешь, при одном условии: сделай это сейчас. Ты убьешь меня, когда я это скажу».

Стоя напротив него, Мадин слегка улыбнулась.

"Теперь у тебя есть желание смерти?"

«Ты прав, - сказал Люк, - я не хочу больше играть в эти игры, я просто хочу, чтобы все закончилось».

«Мне нужны коды».

«Кодов не существует» , - повторил Люк, глядя вверх, вкладывая каждый дюйм убеждения в это, несмотря на пустоту внутри него, которая должна быть заряжена Силой. Глаза Мадина на мгновение сузились, когда он посмотрел на Люка, затем он взглянул на линзу в углу. Без колебаний он вытащил бластер, направив его на голову Люка, и Люк напрягся, но не двигался, чувствуя, как его челюсти сжались, когда Мадин заговорил.

"Прямо сейчас?"

"Прямо сейчас."

Люк, не мигая, смотрел на свои привязанные руки, дыхание было частым и прерывистым. Бластер прижался ближе, когда Мадин наклонился.

«Скажи, что все, что ты сделал, было ложью».

«Все, что я делал, было ложью».

«Все, что вы есть, - ложь».

«Все, что я есть, - ложь».

В своих словах он слышал стук своего сердца.

«Скажи, да здравствует истинное восстание».

«Да здравствует истинное восстание».

Бластер прижался немного ближе, и звук выскакивающего предохранителя пронзил Люка, как острый клинок.

«Скажи, что хочешь, чтобы я спустил курок».

«Я ... хочу, чтобы ты нажал на курок».

Вспышка была невероятной, взрыв шума для переутомленных чувств Люка, все его тело сотрясало ... когда Мадин оттолкнул его стул, в то же мгновение вытащив свой бластер. Он издал грубый насмешливый смех, который глубоко врезался в растрепанные нервы Люка, грудь замерзла до одышки.

«Не интересно», - наконец сказала Мадин, все еще улыбаясь.

«В любом случае, это продолжается, мы назначили дату вашей казни на вирус, который мы выпустили. Но сначала мне нужны эти коды».

Он отступил, когда остальные солдаты ушли. Люк смотрел на свои руки, еще не будучи в состоянии оторваться от края достаточно, чтобы поднять голову или заговорить, пока Мадин оглядывал его с головы до ног, слова были полны сардонической озабоченности.

«Тебе действительно стоит попытаться немного отдохнуть. Завтра долгий день... и ты выглядишь мертвым на ногах». . . .

Дверь с скрипом закрылась, шипение вакуума началось за несколько секунд до того, как она захлопнулась, оставив Люка привязанным к столу и уставившимся на свои руки, каждый мускул был зафиксирован в абсолютной неподвижности, каждое сердцебиение - удар по ребрам, реальность - далекая дымка. Камера погрузилась в темноту, и нервы Люка вздрогнули от резкой перемены.

Прошло много времени, прежде чем он осознал тот факт, что сидит прямо, мускулы все еще настолько напряжены, что он начал слегка раскачиваться вперед и назад, когда они боролись. Мысли возвращались медленно, туманные и запутанные, но обострялись до почти болезненной ясности, одно единственное воспоминание выходило из массы наполненных адреналином мыслей ... Его отец.

Смерть его отца ... И впервые вместе с ней пришло медленное, полное, глубокое понимание Люком действий Вейдера в тот последний день, перспектива, которую до этого момента Люк никогда не мог постичь - хотя теперь она казалась самой естественной, врожденной вещью в существовании ...

Потому что впервые Люк смотрел на отца, который сделает все - что угодно - чтобы облегчить своему сыну жизненный путь. Чтобы защитить его. Было ли это тем, что чувствовал Вейдер, когда столкнулся с Палпатином? Неужели в тот день он умер из-за Люка, а не из-за него? Был ли это выбор? Слова Натана стали острыми, как бритва, в шатких мыслях Люка: «... Дай ему

это; это требование, это решение, это решение. Дай ему это и гордись им - потому что это то, чего он хотел».

Люк действительно хотел сделать то же самое здесь, сегодня вечером, полагая, что его собственный сын однажды поймет, что Люк сделал это добровольно. Он не хотел бы думать ни на секунду, что его сын когда-либо возьмет на себя ответственность ...

«Дай ему это и гордись им, потому что он бы этого хотел».

Он вспомнил слова своего отца давным-давно, извлеченные из воспоминаний и моментов с ясностью, данной только на этом краю ...

«Тьма не забрала то, что я чувствую к моему сыну... Неважно, насколько противоречива или насколько сильна Тьма, я не могу этого отрицать. Это сильнее». Это сильнее...

Неужели его отец в конце концов совершил самоотверженный поступок по собственному выбору, освободив руки Люка... и тем самым шагнул за пределы Тьмы, которая так долго сковывала его? И если его отец мог бы сделать это ... Люк сидел в темноте, голова кружилась, желудок бурлил, удерживая все вместе только силой воли, потому что он был бы проклят, если бы передал Империю Мадину. Будь он проклят, если бы он умер на условиях этого ублюдка. То же умышленное упорство, которое всегда было в его основе, вспыхнуло внутри него, и он засмеялся, чувствуя, как корки трещат и болят, вспоминая жестокую гордость своего отца ...

«Ты будешь искать путь, ты найдешь способ, и ты добьешься этого. .

" Демон - тот демон, которого он видел во тьме, это нерушимое, неумолимое существо, которое Палпатин выковал из разбитых осколков Люка Скайуокера, ту Тьму, которую Палпатин неизбежно сковал внутри себя ...

«Мы такие же, ты и я. Разве я всегда говорил тебе, что мы были? "

В ответ пришли слова отца, давние заверения против постоянных сомнений Люка ... «Если бы Даркнесс могла потребовать тебя, это было бы так давно».

"Откуда вы знаете, что это не так?"

«Тьма не спросит. Тьму все равно ... Ты никому не раб, Люк - ни Палпатин, ни Тьма. Ты выше обоих. Пойми, что ...»

Может ли он быть обоими - сможет ли он выйти за рамки существующих знаний, взять необходимую ему силу на Темном пути, по которому он шел, и выжить, невредимым?

«... Если бы Даркнесс могла потребовать тебя, это было бы так давно ... Ты никому не раб, Люк - ни Палпатин, ни Даркнесс».

Люк знал, что демон, этот ненавистный демон, был тем самым, что сохраняло ему жизнь сейчас. Это темное, ненавистное прошлое укрепило в нем упорство, силу воли и способность выжить. И он потянулся к нему; впервые он потянулся к нему с верой, что это может спасти, а не проклясть его. Впервые он ухватился за нее, как за спасательный трос. Это не сбило бы его с ног, потому что он этого не допустил. Он был во всех отношениях на самой грани: жизни и смерти, Света и Тьмы, осознания ... выбора.

<http://tl.rulate.ru/book/50172/1288721>